

Терпигорев Сергей Николаевич

**Собрание сочинений С.Н.
Терпигорева (С. Атавы)**

Том 5

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
С32

С32 **Сергей Николаевич Т.**
Собрание сочинений С.Н. Терпигорева (С. Атавы): Том 5 / Терпигорев Сергей Николаевич –
М.: Книга по Требованию, 2024. – 589 с.

ISBN 978-5-519-76559-6

ISBN 978-5-519-76559-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧУЖОЙ КАРАВАЙ.

I.

— Далеко отсюда до Павловки?—спрашивалъ только-что прїѣхавшій съ поѣздомъ молодой человѣкъ начальника одной изъ промежуточныхъ станцій N-ской желѣзной дороги. — И можно ли достать туда лошадей у васъ?

— До Павловки... верстъ пятнадцать, — немного подумавъ, отвѣчалъ начальникъ станціи.

— А лошадей?—повторилъ молодой человѣкъ.

— И лошадей... я думаю, вы достанете... Рябченко! — крикнулъ сторожу начальникъ станціи:—есть тутъ лошади?

— Въѣзжаютъ иной разъ, ваше благородіе, — подступая къ нему, отвѣтилъ сторожъ.

— Поди-ка посмотри... Вамъ тройку или пару? — обращаясь къ молодому человѣку, спросилъ начальникъ станціи.

— Тройку... — изысканно-любезно и въ то же время съ отбѣнкомъ какого-то недовольства, на что-то обиды — неизвестно чего—отвѣтилъ молодой человѣкъ.

Начальникъ станціи взглянулъ на него, взялся за козырекъ своей фуражки и, проговоривъ: — «Вотъ онъ вамъ сейчасъ посмотреть!»,—скорымъ шагомъ пошелъ отъ него.

Молодой человѣкъ остался одинъ среди пустой комнаты — пассажирскаго зала. Другихъ пассажировъ, кромѣ его, не было. Они, кто прїѣхалъ съ поѣздомъ, куда-то ужъ

пропали. У одной изъ колоннъ-устоевъ, на которые опирался сдѣланный сводами потолокъ станціонной комнаты, на каменномъ плитномъ полу лежали его чемоданы и вещи: пледъ, зонтикъ, двѣ или три тросточки, картонка отъ шляпы съ надписью «Брюно» и еще что-то въ этомъ родѣ. Направо, у стѣны, помѣщался одинъ изъ тѣхъ скудныхъ и невзрачныхъ буфетовъ, какіе, обыкновенно, бываютъ на такихъ станціяхъ: нѣсколько бутербродовъ съ языкомъ, ветчиной и сыромъ на грязной тарелкѣ, мисочка, наполненная желтоватой водой, въ которой плавали сваренныя «въ мѣшечкѣ» облупленныя яйца, тарелка съ огурцами, сморщенными и обсохшими, обвѣтренными, тарелка съ наръзанными кусочками чернаго хлѣба и цѣлая батарея бутылокъ пива и сельтерской воды.

Молодой человѣкъ подошелъ къ этому буфету, посмотрѣлъ на бутерброды, на яйца, плававшія въ желтоватой жидкости, на сморщенные огурцы, мелькомъ взглянулъ на вставшаго при приближеніи его грязнаго человѣка, все время незамѣтно какъ-то сидѣвшаго за буфетомъ, сдѣлалъ безразличную гримасу и, не отвѣчая на предложеніе буфетчика: «можно приготовить чтѣ, если угодно», отошелъ прочь.

— Есть, ваше благородіе!—раздался вдругъ позади его голосъ Рябченко.

— Есть? И тройка?—переспросилъ молодой человѣкъ.

— Точно такъ, ваше благородіе. Прикажете подавать?

— Конечно!..

Рябченко опять исчезъ.

Черезъ минуту онъ вернулся съ ямщикомъ, однимъ изъ тѣхъ изгаженныхъ близостью желѣзной дороги мужиковъ, которые стали ни мужики, ни мѣщане, не сѣютъ, не торгуютъ, все только «около» господъ и купцовъ, пріѣзжающихъ и уѣзжающихъ.

— Можешь довести меня?.. До Павловки? — обратился къ нему молодой человѣкъ.

— Со всякимъ удовольствіемъ! — какъ-то воскликнулъ мужикъ-не-мужикъ.

— Тарантасъ у тебя?

— Точно такъ-съ.

— И что это будетъ стоить?

— Десять рублей, — прямо и рѣшительно объявилъ мужикъ и уставился на него, помаргивая глазами.

— Это за пятнадцать-то верстъ?

— Точно такъ-съ.

— Да ты съ ума сошелъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, — отвѣтилъ мужикъ.

— А пять рублей хочешь?

— Помилуйте-съ...

Мужикъ даже разсмѣлся.

— А другой есть?.. Кромѣ его еще есть? — обратился молодой человѣкъ къ Рябченкѣ.

— Никакъ нѣтъ-съ, — за него отвѣтилъ мужикъ и встряхнулъ головой.

— Разбойники вы... Давай!.. Что жъ съ тобой дѣлать. Бери вещи.

Ямщикъ и Рябченко подхватили по чемодану, захвативъ тросточки, пледъ, картонку со шляпой и, предшествуя молодому человѣку, вышли на подъѣздъ станціоннаго зданія. У подъѣзда стояла тройка, запряженная въ длинный, старый-престарый, на невѣроятно длинныхъ деревянныхъ дрогахъ тарантасъ съ откинутымъ верхомъ, на которомъ, тѣмъ не менѣе, все-таки можно было разглядѣть множество заплатъ изъ незакрашенной даже кожи. Худыя, вымотанныя лошади съ осунувшимися ребрами стояли опустивъ головы и дремали.

— Это твой-то? — спросилъ молодой человѣкъ. — Да, довезешь ли ты меня?

— Господи... помилуйте. Да вы извольте спросить... Кто же тутъ... первая лошади... — ласково, заискивающе отозвался ямщикъ, уже укладывавшій вмѣстѣ съ Рябченко

чемоданы въ тарантасъ. — На чаекъ еще прибавите... Пожалуйте, готово-съ... садитесь...

Мужикъ полѣзъ на козлы, молодой человѣкъ сталъ взбираться въ тарантасъ. Рябченко ему помогалъ.

— На, держи, — протягивая руку съ двугривеннымъ, сказалъ молодой человѣкъ... — Ну, пошелъ...

Бубенчики, колечки на упряжи и гайки въ тарантасѣ зазвенѣли и засвистѣли, ямщикъ что-то крикнулъ, лошади рванули и съ мѣста кинулись въ карьеръ.

Рябченко еще разъ посмотрѣлъ на двугривенный, застрявшій у него въ морщинахъ ладони, и пошелъ на станцію.

II.

— Да тише же, тише!.. Ты мнѣ голову сломишь... болванъ!.. — кричалъ молодой человѣкъ.

Ямщикъ летѣлъ, дѣйствительно, не обращая ни на что вниманія — по рытвинамъ, по грудамъ мусору, чрезъ какой-то дрожащій мостикъ на рву.

— Не извольте беспокоиться, — оглянувшись къ нему ямщикъ — довольная, веселая рожа.

— Тише! дуракъ...

Молодой человѣкъ былъ возмущенъ. Одинъ чемоданъ вылѣзъ откуда-то и очутился у него въ ногахъ, мѣшая протянуть ихъ.

— Негодяй!.. вотъ, погоди, пріѣдемъ, я тебѣ задамъ!.. — грозилъ онъ.

Ямщикъ поѣхалъ тише.

Наконецъ, они выбрались на полевою дорогу, и тарантасъ покатился ровно, мягко, по черной влажной землѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги стояла густая темно-зеленая рожь. Вдали она волновалась подъ легкимъ вѣтеркомъ, хотя немного умѣрявшимъ зной. Безоблачное небо было сѣро-голубое, съ какимъ-то бѣловатымъ отбѣнкомъ, который бываетъ на немъ въ особенно жаркіе дни. Было душно, несмотря на вѣтерокъ.

Молодой человекъ вынулъ часы и посмотрѣлъ на нихъ: было ровно одиннадцать. Ямщикъ опять крикнулъ на лошадей, онѣ опять рванулись и понесли.

— Дуракъ... вотъ дуракъ-то, — про себя бурчалъ молодой человекъ, глядя въ спину мужику, въ его заплатанный полушубокъ.—Идіотъ какой! Жара какая, а онъ еще въ полушубкѣ...

Но дорога была покойна, мягка; тарантасъ, помѣщенный на длинныхъ дрогахъ, качался какъ люлька, и онъ успокоился вскорѣ.

Проскакавъ верстѣ пять такимъ манеромъ, ямщикъ далъ лошадямъ «вздохнуть» и поѣхалъ шагомъ. Гнѣвъ у молодого человека тоже, повидимому, прошелъ, потому что когда ямщикъ, обернувшись къ нему, съ обычной своей улыбкой сказалъ, какъ бы оправдываясь: «вздохнуть маленько лошадкамъ надо»,—онъ ему отвѣтилъ кивкомъ и процѣдилъ сквозь зубы:—«хорошо».

Немного погодя, онъ съ нимъ заговорилъ:

— Въ Павловкѣ-то часто бываешь?

— Кто? я-то? — обрадовался ямщикъ, и совершенно повернулся къ нему.

— Ну, да... Конечно, ты... Насъ двое—кто же больше.

— Да когда. Намедни былъ... Третьяго дня былъ... Управляющаго возилъ...

— Павловскаго?

— Точно такъ.

— Ты развѣ знаешь его?

— Да какъ же не знать? Всѣхъ знаемъ... возимъ.

— Чтò это за человекъ?

— Кто? управляющій-то?

— Ну, да!—съ сердцемъ отвѣчалъ молодой человекъ.—Что ты все переспрашиваешь. Не слышишь ты, что ли?

— Да какой человекъ? Для насъ хорошій... Намъ чтò—отвезъ, денежки отдалъ и — прощай. А если еще водочки

поднесетъ, да лошадямъ овсеца дать — и подавно спасибо... Хорошій... Ничего.

— Ну, а такъ... въ народѣ ничего не слыхалъ?

Ямщикъ испытующее посмотрѣлъ на него.

— Ничего... Покося у нихъ теперь... Траву начали косить.

— Воруетъ онъ, говорятъ, ужъ очень...

— Такъ-съ...—протянулъ ямщикъ.—Нѣтъ, не слыхали.

— Ничего этакъ не говорятъ въ народѣ, что онъ господъ своихъ обкрадываетъ?

— Нѣтъ... Да почему намъ знать? Развѣ онъ станетъ объ этомъ кому говорить?

— Не говорить, а такъ можно знать. Вѣдь это видно... Какъ онъ живетъ?

— Хорошо живетъ... Совсѣмъ какъ баринъ. Чтò ему? Чтò прикажетъ, то и дѣлаютъ... Господа-то вѣдь тутъ не живутъ.

— Ну, а народъ-то любить его?

— Ничего. Не слыхать, чтобы обижались.

— Ну, смотри... Ты совсѣмъ повернулся... Ты Богъ знаетъ куда заѣдешь... Точно не можешь такъ говорить. Надо непременно повернуться... И въ полушубкѣ — это тебѣ не жарко?—спросилъ молодой человѣкъ.

Ямщикъ повернулся, погодилъ еще немного, но разговоръ кончился и онъ опять погналъ лошадей. Онѣ проскакали еще верстъ пять — ямщикъ опять далъ имъ передохнуть.

— Далеко еще?—послышалось изъ тарантаса.

— Верстъ пять еще... Во-о-онъ снянется-то... это садъ,—сказалъ ямщикъ, указывая рукой впередъ, немного вправо.— А вонъ бѣлѣть-то—это церковь.

Молодой человѣкъ передвинулся съ лѣвой стороны тарантаса въ правую и посмотрѣлъ впередъ. Вдали, туманной синей полосочкой виднѣлась Павловка и надъ ней, какъ бѣленькій гвоздикъ съ золотой искоркой на концѣ, блестѣла церковь.

- Большое село?—послышалось опять изъ тарантаса.
 - Большое... душъ пятьсотъ,—отвѣчалъ ямщикъ.
 - И такъ, вообще, считается хорошее имѣніе?
 - Хорошее.
 - Все въ порядкѣ: домъ, постройки?
 - Старинный домъ.
 - Ты не бывалъ въ немъ? Гдѣ управляющій живетъ?
- въ домѣ или во флигелѣ?
- Во флигелѣ. Домъ заколоченъ.
 - Но жить въ немъ все-таки можно?
 - Да какъ же нельзя-то? Старинный домъ, — сказалъ ямщикъ и, недоумѣвая вопросу, повернулся къ барину: — Домъ какъ слѣдуетъ... хорошій. Въ два этажа... балконъ... крыша зеленая, желѣзная... на крышѣ... бесѣдка такая сдѣлана, откуда глядѣть можно,—разсказывалъ онъ.
 - Ну, а ты трогай, трогай... Пора ужъ,—отвѣчалъ ему молодой человѣкъ.

Лошади опять подхватили.

«Этакая дура... и такое сокровище у нея — имѣніе... Три тысячи десятинъ... въ такомъ-то мѣстѣ... — говорилъ про себя молодой человѣкъ, лѣниво покачиваясь въ мягкомъ тарантасѣ и поглядывая по сторонамъ, на безконечныя равнины, разстилавшіяся передъ нимъ, ржи, овса, пшеницы, залитыя солнцемъ, ярко-зеленыя, едва замѣтно волнующіяся подъ легкимъ вѣтеркомъ. — Дается же вѣдь инымъ»...

Онъ задумался, и ему стало представляться, что бы онъ дѣлалъ и какъ бы это все было, если бы это все было его... Онъ ѣдетъ въ свое имѣніе и это все его... обиліе... онъ всѣмъ распоряжается... Онъ хозяинъ всего этого... Садъ... старинный, тѣнистый... Домъ... Онъ его бы отдѣлалъ... Не весь, а пока одну его половину... другую — это потомъ, когда онъ... Но онъ даже въ мысляхъ оборвалъ слово «же-житься»... Точно нельзя такъ?.. Вѣдь жениться — это значить и корни навсегда пустить. Точно всѣ женятся?..

Тогда можно вѣдь, впрочемъ... выбрать свободно, — догадался онъ... Богатому чѣмъ же стѣсняться?.. Это теперь — а тогда каждая... выбирай... Три тысячи десятинъ — вѣдь это по крайней, по крайней мѣрѣ двадцать—двадцать пять тысячъ дохода въ годъ...

Вдругъ лошади остановились.

— Что такое?

Ямщикъ слѣзаль съ козелъ.

— Сейчасъ... Постромка оборвалась...

Мечты разлетѣлись. Молодой человѣкъ вынулъ часы и посмотрѣлъ: двѣнадцать.

— Скоро ты меня довезешь?—спросилъ онъ.

— Сейчасъ,—отвѣтилъ ямщикъ.—Вотъ ужъ вѣдь, рукой подать.

Павловка была верстахъ въ полутора. Садъ, деревня, церковь — все ужъ было совершенно отчетливо видно. Не видно было только усадьбы, которая, надо было предполагать, была по той сторонѣ сада и оттого ея не было видно.

— Ну, скорѣй. Что ты копаешься тамъ?—торопилъ онъ ямщика.

— Сейчасъ... Сію минуту... Ахъ, ты... Господи... веревочка-то коротка... Сейчасъ, сейчасъ... — суетился ямщикъ.

Завязаль, наконецъ, взобрался на козла и лошади ринулись съ отчаяніемъ послѣдняго перегона.

III.

Село Павловка, къ которому подъѣзжалъ молодой человѣкъ, принадлежало вдовѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Охлопкова, года три какъ переселившагося въ иной, лучший міръ и оставившаго своей супругѣ: имѣніе Павловку, въ О-ской губерніи, имѣніе Ольгино въ Р-ской губерніи и два дома въ Петербургѣ. Покойный принадлежалъ къ той категоріи людей, которые Богъ знаетъ для чего служатъ, имѣя прекрасное состояніе и не имѣя въ то же время никакой надежды достигнуть когда-либо какого-

нибудь виднаго административнаго и вообще служебнаго поста. Онъ числился въ какомъ-то невинномъ вѣдомствѣ, былъ членомъ картофельнаго клуба и лѣтъ десять передъ тѣмъ женился на бѣдной дѣвушкѣ, годившейся ему въ дочери. Для чего онъ это сдѣлалъ—онъ и самъ хорошенько не зналъ. Женился, и сталъ женатъ. Стали всѣ къ нему ѣздить съ женами, сталъ и онъ съ женой ко всѣмъ ѣздить.

— По крайней мѣрѣ, сдѣлалъ доброе дѣло... Что жъ, наслѣдниковъ у него, видимо, нѣтъ...—говорили про него, разбирая его женитьбу.

— А племянникъ.

— Ну, это что!

— Просто сладенькій старичишка—вотъ и все. Ну, развѣ онъ ей мужъ? Сколько ему?

— Да ему ужъ за шестьдесятъ.

— Ну, вотъ, а Ольгѣ Павловнѣ?.. Ей двадцать—двадцать одинъ.

— Больше!

— Ну, двадцать два. Развѣ это пара? На сорокъ слишкомъ лѣтъ старше.

— Зато генеральша.. миллионерша...

— Милліона нѣтъ у него.

— Какъ нѣтъ, помилуйте: два имѣнія такихъ, два такихъ дома. Навѣрное миллионъ. Умретъ—посмотрите, все ей оставить.

— А племяннику?

— Да какой же это племянникъ? Какой-то четвероюродный.

Ольга Павловна была одна изъ тѣхъ вялыхъ, высокихъ, полныхъ блондинокъ, которыя бываютъ очень строгой нравственности... потому что онѣ совершенно безстрастны, и это имъ ничего не стѣитъ—быть такими нравственными...

Она была, пожалуй, краспва, если монументальность, спокойствіе, осанка могутъ замѣнять оживленныя черты, умъ, энергію.

Образованіе у нея было обыкновенное, институтское, куда она попала на казенный счетъ, за заслуги отца, какого-то бѣднаго армейскаго офицера. Ни прежде, тотчасъ по выходѣ изъ института, ни потомъ, когда, черезъ годъ или два, вышла замужъ, ни теперь, овдовѣвъ, она ничего не читала, не чувствовала ни малѣйшей потребности въ чтеніи. Вставала въ одиннадцать часовъ, до двухъ одѣвалась, ѣла завтракъ, ходила по комнатамъ, потомъ ѣхала или шла пѣшкомъ гулять. Въ шесть — обѣдь. Кто-нибудь увозилъ ее въ театръ, въ оперу, въ балетъ—ей все равно было.

— А вотъ въ циркѣ я ни разу не была,—какъ-то проговорила она однажды.—Что тамъ, весело?

Всѣ переглянулись, улынулись.

— Нѣтъ? — серьезно, сконфузясь нѣсколько, повторила она.

— Конечно, васъ займетъ, если вы ни разу не были,—замѣтилъ ей кто-то.

— Надо съѣздить.

Такія крупныя, высокія, полныя блондинки безстрастнаго темперамента никогда не бываютъ добрыми просто по отсутствію отзывчивости и воспріимчивости. Между ними очень часто попадаются даже съ какой-то дѣтской жестокостью. Только у дѣтей эта жестокость ихъ выражается въ отрываніи крыльевъ у мухъ, а эти могутъ совершенно спокойно раздавить чье угодно счастье, судьбу и не будутъ при этомъ чувствовать никакого угрызенія совѣсти.

— Помилуйте, что вы сдѣлали? Вѣдь вы всю семью по міру пустили!

— Я? Чѣмъ же я-то виновата?—еще удивится она.

— Ну, что вамъ стоило, при вашемъ состояніи, погодить мѣсяцъ - другой, не выгонять ихъ изъ квартиры?.. Оправились бы—отдали...

— Я ничего не знаю...

— Да вѣдь они писали вамъ.